

С.В. Богданов

Спекуляция в СССР (1945–1953 гг.): причины, масштабы, особенности

Ключевые слова: спекуляция, хищения, продуктовые карточки, дефицит, торговля.

Key words: profiteering, embezzlement, rationing system, deficit, trade.

В первые послевоенные годы (1945–1947 гг.) государственными органами страны были предприняты действительно масштабные усилия по противодействию уголовной преступности. Фактически уже к концу 1947 г. удалось сбить вал убийств, грабежей, изнасилований, нанести серьезный удар по расхитителям государственной собственности и спекулянтам. Однако базисные причины воспроизводства экономической преступности скрывались в чрезвычайно жестком каркасе дефицитной советской экономической модели.

Советская власть, потеснив легальное предпринимательство с конца 1920-х гг., создала все для его ухода в «тень». На самом деле мелкое предпринимательство в виде пошивочных и сапожных мастерских, фотографических услуг, изготовления кондитерских изделий, оказания различных услуг населению продолжало сохраняться. Эту деятельность государство регламентировало выдачей соответствующих патентов. Однако поставленное в невыносимое с точки зрения налогообложения существование, оно не могло выжить, не будучи втянутым в «теневые» экономические отношения и хитроумные схемы хищений и спекуляций. Начинался процесс сращивания дельцов «теневых» производств, криминального мира и части коррумпированного советского чиновничества.

Деятельность органов борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией (БХСС) была направлена в том числе и на противодействие незаконной предпринимательской деятельности. Однако, несмотря на серьезность наказания, этот вид нелегальной хозяйственной деятельности продолжал существовать, чутко реагируя на издержки функционирования советской экономической системы, организацию снабжения населения продовольственными и промышленными товарами повседневного спроса. Однако потребности советских людей продолжали расти. В обществе появились состоятельные люди, которые уже нуждались в качественных продуктах питания, модной одежде, мебели. Довольно часто растущий спрос более состоятельных слоев населения на дефицитные товары удовлетворялся спекулятивными элементами. Более того, спекулянты проникали фактически во все поры советской торговой и снаб-

женческой системы. В этой связи было бы серьезным упрощением представлением считать, что сталинский режим в борьбе с экономической преступностью полностью и окончательно ее победил.

Действительно, задавленная тотальным страхом, широко распространенной бедностью и поиском внутренних врагов советская повседневность 1930-х гг. демонстрировала снижение преступлений в сфере экономики. Однако уже в годы войны ситуация начала меняться. Хищения, мошенничество, спекуляция пышно произрастали под прикрытием базарной торговли, стихийных «барахолок».

Подлинный взлет экономической преступности наблюдался в первые послевоенные годы. Именно в этот период она окончательно профессионализируется и, как бы это ни показалось парадоксальным, приспосабливается к тоталитарной государственности.

Первые послевоенные годы характеризовались всплеском как общеуголовной, так и корыстной хозяйственной преступности. Значительно увеличилось количество совершенных хищений (на 16% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.), а также случаев спекуляции (на 40,4% в 1946 г. по сравнению с 1945 г.) [1, л. 344–347].

Как это уже стало традицией для идеологической машины советского государства, объяснение причин оживления корыстной преступности шло по традиционной схеме. Как отмечалось в газете «Правда» от 17 сентября 1945 г., «...в отдельных неустойчивых людях пробудились низменные чувства, стремление к наживе, к личному обогащению за счет чужого труда. Такие люди, пренебрегая общественными интересами и своим гражданским долгом, не занимаясь общественно-полезной деятельностью, становились на путь преступлений, нанося моральный и материальный ущерб государству и народу» [2].

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный рост этого вида преступлений. Так, например, если в третьем квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел по данному составу, то в четвертом квартале таких дел уже было 236, в первом полугодии 1947 г. этот показатель уже составил 480 уголовных дел [3, л. 1; 4, л. 13; 5, л. 2; 6, л. 2].

Дефицит и острая нехватка продуктов питания создавали питательную почву для всевозможных

махинаций с продуктовыми карточками. Пользуясь слабым контролем со стороны руководителей предприятий, учреждений и домоуправлений, карточных и контрольно-учетных бюро, уполномоченных по выдаче карточек, отдельные должностные лица совершали различные правонарушения с этими документами. Иногда и руководители этих самых организаций включали в списки на получение карточек вымышленных лиц, получали на них карточки и сбывали их на рынках или отоваривали в магазинах и спекулировали потом продуктами. Для наведения порядка и усиления контроля за выдачей карточек проводились проверки партийными организациями при участии милиции [7, л. 54].

Так, например, только в октябре 1946 г. перепродажу продовольственных карточек в Ленинграде сотрудниками органов внутренних дел было задержано всего 2387 граждан, из них 58 было предъявлено обвинение по соответствующей статье УК РСФСР [8, л. 236].

Активизировалась на данном направлении работа органов внутренних дел и в других регионах страны. В соответствии с приказом Министерства внутренних дел (МВД) СССР от 6 сентября 1946 г. органами милиции за 3 месяца (октябрь–декабрь) было задержано на рынках страны за куплю и продажу карточек 66793 чел., из которых привлечено к уголовной ответственности 10063 чел. У привлеченных к уголовной ответственности было изъято: карточек и талонов на хлеб и другие продукты – 424566; в переводе на хлебобродукты (в тоннах) – 4952; карточек и талонов на питание – 126146; на промтовары – 330940; денег – 5109316 руб. других ценностей на огромную сумму – 2952365 руб. Кроме того, практически повсеместно органы милиции фиксировали широкое распространение изготовления и сбыта фальшивых карточек [7, л. 54].

Хищения государственного, общественного имущества и спекуляция шли практически рядом. Засуха 1946 г. усугубила тяжелое положение в стране, и по данным видам преступлений наблюдался еще более стремительный рост (+42,4 в 1947 г. по отношению к 1945 г. и +56,8% соответственно) [1, л. 344–347].

Объективными причинами для повсеместного разрастания спекулятивных сделок являлась существенная разница между ценами на товары в государственной торговле и на колхозных рынках. Не случайно количество зарегистрированных преступлений по обвинению в спекуляции в 1947 г. составило 4,3% от всех зарегистрированных органами милиции преступлений. Всего же с 1945 по 1948 г. число преступлений, связанных со спекуляцией, возросло на 59,3% [9].

Спекуляция дезорганизовывала снабжение населения продовольственными и промышленными товарами, а также порождала другие более опасные виды преступлений. Население, пострадавшее во время

тяжелейших военных лишений, остро реагировало на вновь оживившуюся спекуляцию, хищения государственного и общественного имущества. По мнению известного советского правоведа А.А. Пионтковского, послевоенная разруха порождала множество соблазнов для должностных хищений [10, с. 93].

Карточная система и запрещение хлебной торговли создавали благоприятные условия для обогащения расхитителей и «теневиков». В то время как в колхозах учитывался каждый килограмм зерна, на черный рынок оно текло рекой. Крупные поставки товара для спекулятивной торговли обеспечивались за счет разворовывания государственного и колхозного зерна. Так, во время голода 1946–1947 гг. на ниве государственной собственности укреплялась инфраструктура, обогащались дельцы «теневого» рынка.

Запрет на торговлю хлебом неизбежно порождал взлет цен на колхозных рынках и рост спекуляции. Разного рода спекулятивные элементы входили в сговор с руководителями колхозов и сбывали колхозную продукцию при помощи ловких схем. Другие скупали по дешевке зерно и муку у колхозников, нуждающихся в деньгах для уплаты налогов, и из более-менее благополучных районов вывозили на продажу в голодные местности.

По сведениям органов внутренних дел, предметом спекуляции часто становились товары, похищенные или полученные за взятки из государственных или кооперативных учреждений и предприятий. Наиболее распространенными видами спекуляции были скупка и сбыт сельскохозяйственной продукции и промтоваров, скупка и перепродажа скота, мелкая спекуляция на рынках, скупка зерна или муки с последующей выпечкой хлеба и реализацией его по спекулятивным ценам на рынках [9, л. 54].

В то время, когда производителей хлеба – колхозников и рабочих совхозов привлекали к уголовной ответственности за взятую на току горсть зерна, отдельные представители партийных и государственных органов через посредников сбывали на рынке купленные по государственным ценам в закрытых магазинах продукты питания высшего качества. Наживались за счет огромной разницы в ценах. Благо условия для спекуляции были идеальные. Для некоторых руководящих работников республик, краев и областей выдача продовольствия, вопреки постановлению от 12 июля 1943 г. о снабжении работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций, производилась без каких-либо ограничений.

Становилось уже закономерностью советской социальной иерархии – достаток человека в определенной степени определялся его близостью к дефицитным товарам, их распределению. Поэтому ни в годы войны, ни в послевоенный период в городах продавцы магазинов, работники отделов рабочего снабжения

(ОПСов), рабочие хлебозаводов не голодали. Более того, довольно часто именно этот контингент попадал в поле зрения сотрудников ОБХСС как поставщики товаров перекупщикам, используя всевозможные замаскированные средства и способы изъятия из государственной торговли продовольственных и промышленных товаров.

Факты спекуляции довольно часто вскрывали многочисленных фигурантов уголовных дел – работников пищевой промышленности. Распространение этого вида корыстных преступлений наносило удар по государственной торговле, мешало карточному снабжению населения продовольственными и промышленными товарами, подрывало сам принцип социальной справедливости. Приказ министра пищевой промышленности СССР «Об усилении борьбы со спекуляцией» от 24 сентября 1946 г. не возымел должного действия. Кражи продуктов питания с предприятий отрасли не прекратились. Для решительного перелома ситуации с хищениями продуктов питания с хлебозаводов и других предприятий пищевой промышленности требовалось вмешательство органов МВД [11, л. 109].

Воровство хлеба в крупных размерах преимущественно совершалось в целях спекуляции. Кражи совершались при транспортировке с хлебозаводов в торговые точки, а также продавцами магазинов. Например, рабочие 10-го хлебозавода Выборгского района Ленинграда при развозке хлеба в магазины 13 ноября 1946 г. похитили 128 буханок хлеба, которые продали по 25 руб. за штуку. При второй поездке в тот же день украли еще 12 буханок, с которыми были задержаны. Арестованным было предъявлено обвинение по закону от 7 августа 1932 г. [12, л. 144].

Спекулянты проникали во встречную государственную торговлю на селе. Подпольные торговцы, имея поддельные документы о заключении с колхозами договоров, открывали в городах на рынках свои палатки, нанимали продавцов и таким путем сбывали колхозную продукцию. На вырученные деньги закупали промышленные товары, с которыми выезжали на село для продажи их сельским жителям. В течение августа 1946 г. в городах Кирове, Свердловске, Симферополе, Сталинграде, Чкалове сотрудниками МВД были арестованы и привлечены к уголовной ответственности более 15 человек, занимавшихся скупкой зерна в колхозах и продажей его в городах и райцентрах по высоким ценам. При задержании у них было изъято около 10 т зерна и 128 тыс. руб. [13, л. 125].

В стихийную торговлю, многочисленные спекулятивные сделки были вовлечены самые разнообразные слои населения. В справке прокурора группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР младшего советника юстиции Преображенской о состоянии детской безнадзорности и борьбе с нею

в Москве отмечалось следующее. Всего во втором полугодии 1945 г. правоохранительными органами в столице за торговлю было задержано 9146 несовершеннолетних, что составило чуть более одной трети от всех задержанных за различные правонарушения детей.

Приводились следующие факты. На центральном рынке (Коминтерновский район) ежедневно значительное количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами. Они выстраиваются открыто в ряд у входа в рынок, наперебой предлагают свой товар покупателям. На задаваемые Преображенской вопросы некоторым из них, что их заставляет торговать, они или отделиваются молчаливым, или чаще всего, отвечали грубо, либо отказываясь от товара, либо утверждая, что им лучше знать, чем заниматься.

Сложилось впечатление, продолжала Преображенская, что эти подростки пришли на рынок не случайно, они постоянные его обитатели, умеют держать себя в этой обстановке. Одних и тех же девочек с продажей дрожжей она замечала здесь неоднократно. Встречались и такие факты: с дрожжами девочка, а за ней стоит женщина и только принимает деньги от покупателей. Назвать свою фамилию девочка и женщина отказались.

На этом же рынке много ребят с продажей старых учебников, тетрадей открыток и разных канцелярских принадлежностей. Здесь немало и детей-покупателей. Торговля среди детей идет полным ходом.

Мелькают подростки-мальчики лет 15–16, и иной раз и 10–11 лет у самого входа на рынок – на улице. Они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк.

Характерно, что место торговли не ограничивается территорией рынка. Прилегающие кварталы также превращены в места торга, где обращают на себя внимание дети, продающие хлеб, папиросы, мыло.

«Поражает своей массовостью торговля среди детей в крупных булочных городах. В дверях любой булочной Свердловского р[айо]на Вас первым делом встречают подростки с вопросом: “нет ли продажных талонов...”»

Позорным пятном для столицы выглядит квартал центра города у кинотеатра “Метрополь”. Здесь в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродают билеты. Купленные за 3 руб. билеты продаются по 15–20 руб. Все это делается очень ловко, но заметно...

На улицах города и площадях (гл[авным] образом у вокзалов) можно также наблюдать картины, когда подростки из-под полы в буквальном смысле этого слова, а иной раз открыто, продают или хлеб, или папиросы» [14, л. 17–25].

В завершении справки содержались конкретные предложения по активизации деятельности государ-

ственных органов и других организаций против вовлечения несовершеннолетних в торгово-спекулятивные операции [15].

Довольно часто для реализации спекулятивных схем в качестве продавцов использовались нуждавшиеся женщины. Многие из них ранее привлекались к уголовной ответственности. В Сталинграде была арестована нигде не работавшая Уразова. Проживая в Баку, она скупала там муку по 400–500 руб. за пуд и продавала ее в Сталинграде по 900–1000 руб. за пуд. В Кирове мать и дочь Аникины скупали муку у колхозников в различных районах области и продавали ее на рынке. Всего ими было куплено и продано свыше 2 т муки [13, л. 128].

Согласно информации органов внутренних дел, только за первый квартал 1947 г. за спекуляцию в СССР на скамье подсудимых оказалось 17784 человека, были выявлены 2932 преступные спекулятивные группы. У привлеченных к ответственности спекулянтов во время оперативных действий было изъято 19441642 руб. наличными, 23743 руб. золотыми монетами царской чеканки, 4094 г золота в слитках, 325 т продуктов, промышленных товаров на сумму 15334014 руб. [15, с. 476].

Из анализа законченных дел видно, что спекуляцией занимались многие категории граждан. Из числа привлеченных за спекуляцию 20–30% составляли работающие, причем 60–80% из них являлись работниками торговых организаций, должностными лицами, военнослужащими, лицами, командированными в различные города Союза и низкооплачиваемыми рабочими и служащими [9, л. 54].

В послевоенный период ситуация продемонстрировала тот непреложный факт, что спекуляция как вид преступных посягательств на интересы государства в сфере экономики постоянно модифицировалась. В качестве подтверждения этому можно сослаться на факты, отмечаемые правоохранительными органами в различных регионах страны.

Так, после отмены карточек спекуляция приняла более конспиративный характер. Выходя на рынок, спекулянты имели при себе образцы товаров, а занимались продажей на своих квартирах или у покупателей через третьих лиц. Крупные дельцы использовали кооперативную торговую сеть, комиссионные магазины, через которые по предварительному сговору с продавцами сбывали дефицитные товары [16, л. 129].

Примечательно, но даже в рамках абсолютно огосударственной экономики рыночные механизмы спроса и предложения продолжали, пусть и ограниченно, но действовать. Спекулятивный рынок являлся в этом плане самым чутким барометром покупательских запросов и предпочтений, а также государственной политики в этой сфере.

Так, в первом полугодии 1947 г. в связи с ростом рыночных цен на продовольственные товары и неко-

торым снижением цен на промышленные товары наблюдался поток спекулянтов из города в сельскохозяйственные районы и обратно. Во втором полугодии, в связи с дополнительным открытием в ряде городов по линии коммерческой торговли универмагов, спекуляция промышленными товарами стала сокращаться.

В июле и августе этого же года в связи с приближением начала школьных занятий увеличилась спекуляция школьными принадлежностями. Росту данного явления способствовала выдача рабочим некоторыми предприятиями в качестве премий, оказания материальной помощи или заработной платы готовой продукции предприятий [9, л. 54].

В декабре 1947 г. была отменена карточная система, что подорвало базу широкой спекуляции, но не ликвидировало ее полностью. Постоянно задерживали скупщиков хлеба, сахара, риса, камней для зажигалок, галош и пр.

В целом спекулятивные элементы приспособлялись и находили для себя выгоду в различных обстоятельствах, которые диктовались жизнью. Денежная реформа 1947 г. была использована представителями «теневого» капитала для быстрого обогащения в результате игры на разнице цен на дефицитные в то время товары до и после отмены карточной системы. Согласно сводке МВД СССР от 2 марта 1948 г., за период с 16 декабря 1947 г. по 15 февраля 1948 г. выявлено расхищение преступниками товарно-материальных ценностей на сумму более 50 млн руб. Примерно на такую же сумму материальных ценностей у них было изъято при обыске.

Основной метод получения быстрой прибыли заключался в сокрытии товаров для их последующей реализации по новым ценам, а также внесение дельцами крупных сумм в деньгах старого образца за изымаемые товары с целью перепродажи партий товаров после проведения реформы на деньги нового образца. Например, заведующие магазином и складом в Зугдиди Грузинской ССР внесли в кассу магазина 230560 руб. в деньгах старого образца, предварительно изъяв из магазина товары на эту сумму [17, л. 344].

О широком распространении негосударственных каналов приобретения продуктов питания и промышленных товаров свидетельствует следующая статистика (табл. 1) [18, л. 268–269].

Обращает на себя внимание то, что в довоенном 1940 г. чуть более 75% всех покупок рабочими промышленных предприятий осуществлялись в государственной торговле и кооперации. После окончания войны ситуация разительно изменилась. В 1947 г. объемы затрачиваемых денежных средств трудящимися промышленности на покупку продовольственных и промышленных товаров на колхозном рынке и у отдельных граждан оказались больше, нежели в государственной торговле. Особенно большие суммы тратили городские жители сна покупку промышлен-

Таблица 1

Денежные расходы промышленных рабочих СССР в 1940, 1947 и 1948 гг. на покупку продовольственных и промышленных товаров по источникам приобретения, %

Наименование показателя	1940 г.	1947 г.	1948 г.
Всего израсходовано на покупку продуктов питания и промышленных товаров в том числе:	100	100	100
в государственной торговле и кооперации	75,2	41,9	73,9
на колхозном рынке и у отдельных граждан	24,8	58,1	26,1
Израсходовано на продукты питания в том числе:	100	100	100
в государственной торговле и кооперации	73,0	43,6	73,9
на колхозном рынке и у отдельных граждан	27,0	56,4	26,1
Израсходовано на промтовары в том числе:	100	100	100
в государственной торговле и кооперации	82,3	33,9	74,0
на колхозном рынке и у отдельных граждан	17,7	66,1	26,0

ных товаров на базарах и у частных лиц. Это свидетельствовало о масштабном развитии спекуляции в послевоенном советском обществе. Существенное снижение роли колхозного рынка и частных торговцев в снабжении городского населения продовольственными и промышленными товарами было зафиксировано в 1948 г. Видимо, сказалось действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «О хищении государственного и общественного имущества», а также отмена продовольственных карточек.

Отмена карточной системы потребовала от милиции внесения корректив в борьбу со спекуляцией. В свете данных событий МВД издало ряд директив: №795 от 12 декабря 1947 г. «О мероприятиях в связи отменой продовольственных и промышленных карточек»; №430 от 19 декабря 1947 г. «О мероприятиях по усилению

борьбы со спекуляцией в связи с отменой карточек на продовольственные и промышленные товары», в который были предложены конкретные мероприятия по борьбе с преступлениями в этой области.

Так, например, в Астраханской области после отмены карточек работники милиции с привлечением работников госторгинспекции и партийно-советского актива провели ревизию в 12 районах области, проверили 348 магазинов, 37 столовых, 32 склада, 8 чайных, 32 торговые базы, 31 пекарню. В результате было выявлено растрат и хищений на сумму 263700 руб., привлечен к уголовной ответственности 51 человек, отстранены от работы «за невозможностью дальнейшего использования в торговой сети» 19 человек. Однако руководство Управления милиции Министерства государственной безопасности (МГБ) области понимало, что, несмотря на значитель-

Таблица 2

Сведения о размерах денежных затрат на покупку промышленных товаров у граждан СССР в 1952–1953 гг. (в среднем на семью)

	Семьи рабочих		Семьи колхозников	
	IV квартал 1952 г.	IV квартал 1953 г.	IV квартал 1952 г.	IV квартал 1953 г.
Израсходовано денег на покупку непродовольственных промышленных товаров (руб.)	1095	1207	445	556
в том числе на покупку у граждан	244	267	88	108
Покупка у граждан в процентах к общему расходу на эти цели	22	22	20	19
Израсходовано денег на пошив и ремонт одежды и обуви (руб.)	42	49	21	26
в том числе уплачено отдельным гражданам	23	27	19	23
Затраты на пошив и ремонт одежды и обуви у граждан в процентах к общему расходу на эти цели	55	55	90	88

ные успехи, ликвидировать преступные проявления на предприятиях торговли разовыми мерами невозможно. Поэтому уже в феврале 1950 г. обращалось внимание начальников всех органов милиции на значительные размеры хищений, взяточничества, спекуляции и обмана потребителей в организациях государственной торговли и потребительской кооперации, заготовительных и снабженческих аппаратах [19, с. 21].

В целом спекуляция, хищения и растраты глубоко проникли в сферу торговли промышленными и продовольственными товарами. Ведь базисные причины спекуляции произрастали из дефицитной экономики. Это подтверждается также анализом официальной статистики.

Объемы продаж продовольственных товаров еще в 1950 г. не достигли уровня 1940 г. и составляли лишь 94%, в том числе по продажам муки, хлеба и хлебобулочных изделий – 90%, молока и молочных продуктов – 87%. Не хватало мыла – объем его продаж, по данным статистики, которая всегда работала на завышение показателей, был на уровне 72% [20, с. 375].

Не лучше обстояло дело с потреблением других непродовольственных товаров. В 1950 г. на душу

населения потреблялось шерстяных тканей – 1,3 м², шелковых – 0,6 м², верхнего трикотажа – 0,3 штуки, бельевого трикотажа – 0,8 штуки, обуви кожаной – 1,1 пар в год [20, с. 372]. Так что за 2–3 года по одной единице платья или трикотажной рубашки на человека производилось, а сколько до него «доходило» – это особый вопрос.

5 марта 1954 г. Председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову была направлена докладная записка об итогах обследования бюджетов рабочих, служащих и колхозников за 1953 г. [21, л. 177–203] Документ был составлен очень обстоятельно и в отличие от официальных крайне идеологизированных статей содержал объективную информацию.

Таким образом, власть, не называя вскрываемые ею явления тем, что войдет в научный оборот несколько позже – «теневой» экономикой, тем не менее, довольно четко говорит о наличии в советском обществе выходящих за рамки контролируемых государством экономических отношений между гражданами. Причем эти отношения на практике оказывались далеки от большевистской ортодоксии неприятия стяжательства и мещанского обывательского духа.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 497.
2. Правда. – 1945. – 17 сент.
3. Отдел специальных фондов Информационного центра Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО). – Ф. 1. – Д. 16.
4. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. – Ф. 1. – Д. 17.
5. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. – Ф. 1. – Д. 18.
6. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. – Ф. 1. – Д. 19.
7. ГА РФ. – Ф. Р-9415. – Оп. 5. – Д. 95.
8. ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. – Ф. 1. – Д. 135.
9. ГА РФ. – Ф. Р-9415. – Оп. 5. – Д. 98.
10. Пионтковский, А.А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с нею / А.А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1959. – №3.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 8543. – Оп. 12. – Д. 281.
12. ГА РФ. – Ф. 8131. – Оп. 27. – Д. 3890.
13. ГА РФ. – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 171.
14. ГА РФ. – Ф. 8131. – Оп. 37. – Д. 2322.
15. Москва послевоенная. 1945–1947 гг. – М., 2000.
16. ГА РФ. – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 200.
17. ГА РФ. – Ф. Р-9401. – Оп. 2. – Д. 199.
18. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 41. – Д. 5.
19. Федин, С.А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.А. Федин. – Астрахань, 2007.
20. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. : юбилейный статистический ежегодник. – М., 1972.
21. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 33. – Д. 1768.